

С. В. ГАВРИЛОВ

ВРЕМЕНА И ГОДЫ ЛЕСОВОДА ДЬЯКОНОВА

Десять лет назад, 30 июля 2003 г., фонды Камчатского областного краеведческого музея (ныне Камчатский краевой объединённый музей) пополнились увесистой стопкой бумаг, включавшей восемьдесят восемь различных документов — писем, рукописей, дневников, текстов опубликованных и неопубликованных статей, некогда принадлежавших первому на нашем полуострове заслуженному лесоводу РСФСР Павлу Николаевичу Дьяконову (1908—1971).

Документы музею передал известный камчатский учёный-орнитолог, доктор биологических наук Евгений Георгиевич Лобков. Ему они, в свою очередь, достались от покинувшей в июне этого же года Камчатку дочери П. Н. Дьяконова — Валентины Павловны, просившей сохранить их и, по возможности, сделать доступными для научной и краеведческой общественности.

Эти документы, наряду с личным фондом П. Н. Дьяконова, хранящимся в Государственном архиве Камчатского края, позволяют составить подробное жизнеописание этого замечательного энтузиаста изучения и сохранения природных богатств полуострова, неутомимого популяризатора экологических знаний, да к тому же великолепного рассказчика и талантливого человека, увлечённого поэзией.

Биография житейская

П. Н. Дьяконов родился 6 марта (21 февраля по старому стилю) 1908 г. в деревне Дюковской Вельского уезда Архангельской губернии в семье крестьянина-бедняка. В семилетнем возрасте лишился отца — он умер в 1915 г. Мать

осталась с пятью малолетними детьми на руках: четырьмя дочерьми и единственным сыном. Семья, не имевшая лошади и потерявшая кормильца, не смогла вести крестьянское хозяйство, поэтому мать с дочерьми в этом же 1915 г. переехала в Архангельск. Здесь она устроилась на лесоперерабатывающий завод, где трудилась чернорабочей до выхода на пенсию в конце 1930-х гг. Павел остался в деревне на иждивении тётки и бабушки, помогал им вести хозяйство, познакомился с тяжким сельским трудом, «рано научился косить, пахать и сеять».

В 1916 г. он пошёл в школу-семилетку, в коей из-за отсутствия средств «учился на казённую стипендию». По окончании школы в сентябре 1923 г. поступил на лесное отделение техникума, открывшегося в старинном городе Вельске, что в Архангельской области. С детских лет мальчишка любил бродить со сверстниками по ближайшим к деревне перелескам. Далеко пацаны старались не заходить — в непролазной лесной глуши легко было затеряться. Но все же лесная обстановка была для него привычной и понятной. Правда, на склоне лет Павел Николаевич вспоминал, что если бы тогда, в юности, появилась возможность, то он выбрал бы мореходное училище — хотелось посмотреть мир. Но этого не случилось, и он поступил в лесной техникум. Выбор оказался, как говорится, судьбоносным: «специальности не менял за все сорок два года работы» [1, л. 7, 43].

За четыре года учёбы Павел последовательно прошёл курсы географии, математики, ботаники с дендрологией, физики с метеорологией, органической и неорганической химии, почвоведения с минералогией и геологией, общей и прикладной зоологии, лесоведения, геодезии с черчением, лесной таксации, лесоводства, лесоустройства и лесной экономики, лесной технологии и основ строительного и лесоинженерного искусства, охотоведения, основ сельского хозяйства, лесопроизводства и лесопроизводства, а также «лесной политики» и законодательства. Год изучал немецкий язык. Кроме того, «выполнил установленные учебным планом практические работы как в лаборатории, мастерских руч-

ного труда и чертёжной техникума, так и в учебно-опытном лесничестве, а также в лесных дачах и земельных участках вне лесничества и, сдав установленные зачётные работы, окончил названный техникум по лесному отделению». В 1926 г. вступил в комсомол.

23 августа 1927 г. Павел Дьяконов получил удостоверение об окончании техникума. Теперь ему в соответствии с постановлением Совнаркома РСФСР от 27 сентября 1926 г. предстояло отправиться на годичную стажировку [1, л. 8].

Уже 9 октября 1927 г. его назначили помощником лесничего Помоздинского лесничества областного лесотдела Коми АССР. С этого времени и до конца жизни он трудился «по специальности, всё время в отдалённых районах».

Помоздинское лесничество охватывало огромную территорию в верховьях реки Вычегды, простираясь до поселка Ухты. Народу здесь жило мало, природа во многом оставалась девственной, леса отличались богатой охотой. Но цивилизация постепенно наступала на эти заповедные места: начинались экспортные лесозаготовки.

Спустя полтора года Павлу Дьяконову доверили самостоятельный участок работы: 16 марта 1929 г. его назначили лесничим того же Помоздинского лесничества.

Лесничество по сложившейся в СССР практике являлось основной территориально-производственной единицей лесного хозяйства. В лесах государственного значения оно обычно входило в состав лесхозов, леспромхозов. Лесничество занималось восстановлением вырубок, уходом за ними, отводило лесосеки, следило за соблюдением правил рубки, охраняло леса от пожаров, вредных насекомых и болезней, помогало колхозам вести хозяйство в приписанных к ним угодьях. Территория лесничества подразделялась на объезды, то есть участки, и обходы. Руководил всем этим хозяйством и отвечал за его состояние лесничий. Штат лесничества составляли его помощник, объездчики (по числу объездов) и лесники (по числу обходов).

Еще через полтора года, 26 декабря 1930 г., П. Н. Дьяконов стал лесотехником Сыктывкарского леспромхоза, а 12 мая

1933 г. был повышен до старшего специалиста лесного хозяйства леспромхоза, переехал в столицу Коми АССР — Сыктывкар (на языке народа коми это название означало «город на реке Сыктив»), ещё недавно называвшийся Усть-Сысольском. Но вскоре он попал под следствие.

В автобиографии, датированной 10 июня 1943 г., Павел Николаевич указывает: «Репрессии подвергался один раз в 1933 г. по статье 111-й Уголовного Кодекса, что в период руководства в крайкоме партии (Северный край) врага народа Вл. Иванова не составляло редкого явления». Упомянутый Владимир Иванович Иванов (1893—1938), один из высших партийных иерархов, член Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большеви-ков), возглавлял Северный крайком, деятельность которого охватывала и территорию Коми АССР, с марта 1931 по февраль 1937 г. В октябре 1936 г. он был назначен народным комиссаром лесной промышленности СССР, то есть стал прямым начальником Дьяконова. В. И. Иванов был арестован 1 ноября 1937 г., обвинён по делу «Антисоветского правотроцкистского блока» и приговорён к высшей мере наказания.

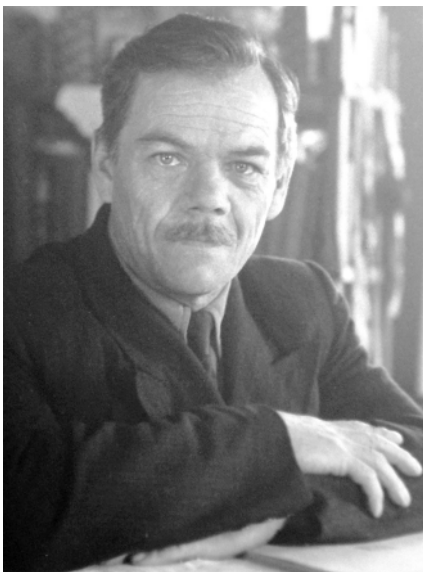
Статья 111-я Уголовного Кодекса РСФСР в редакции 1926 г. входила в третью главу «Бездействие власти» и звучала как «невыполнение должностным лицом действий, которые оно по обязанности своей службы должно было выполнить... а равно халатное отношение к службе, то есть небрежное или недобросовестное отношение к возложенным по службе обязанностям, повлекшее за собой волокиту, медленность в производстве дел и отчётности и иные упущения по службе...» В связи с этим хочется отметить, что известные нам и излагаемые ниже факты из служебной и творческой биографии П. Н. Дьяконова не позволяют усомниться в каком-либо его «халатном отношении» к порученному или добровольно принятому на себя делу. Скорее всего, причиной этой «репрессии» стал обычный донос.

В лесном хозяйстве Коми АССР П. Н. Дьяконов проработал в общей сложности семь лет. Здесь охрана, а позже

и изучение природы стали не только профессией, но и увлечением. Павел Николаевич много путешествовал во время отпусков. Во время одного из них на лодке и пароходе спустился по рекам Вычегде и Печоре, прошёл по морю до Архангельска и вернулся обратно. В другой раз он снова посетил верховье реки Вычегды, прошёл Печору до её притока Подчерема (современное название Подчерье), реку Илыч, вернулся к Печоре, по которой отправился домой. В очередной отпуск он побывал в Архангельске, прошёл морем до Нарьян-Мара, посетил бухты Чёрную и Грешную, миновал пролив Югорский Шар, добрался до посёлка Амдерма, затем до острова Вайгач, после чего последовал назад.

Такие путешествия позволяли получать более широкое и правильное представление о природных богатствах республики Коми и Ненецкого национального округа. В дороге познакомился со многими опытными местными охотниками, научившись у них поведению и способам выживания в суровых погодных условиях. Попутно фотографировал, позже, будучи дома, написал несколько заметок в газету «Правда Севера» и другие издания. Эти публикации стали его первым журналистским опытом и позволили приобрести начальные «литературные» навыки, в полной мере раскрывшиеся уже во время работы и жизни на Камчатке.

23 марта 1935 г. П. Н. Дьяконов зачислен специалистом по лесокультурам и лесному хозяйству Тумского райлесхоза Московской области. Но пребывание на Севере даром не прошло — тянуло к необжитым местам, к дикой природе. Так уже 15 декабря 1935 г. он оказался на Камчатке, где стал техническим руководителем Усть-Камчатского районного лесхоза. Путь на Камчатку «был трудный, но, в конце концов, успешный. Главная трудность — транспорт. Интересовали здесь, кроме камчатских сопок, что и где растёт, ведь мы очень мало знали о Камчатке. Север, где бы он ни был, всегда Север, хотя и более таёжный. Камчатка же представлялась каменными березняками, растущими по сопкам, и другими древесными породами, привлекала тундрами и огромной массой дичи».

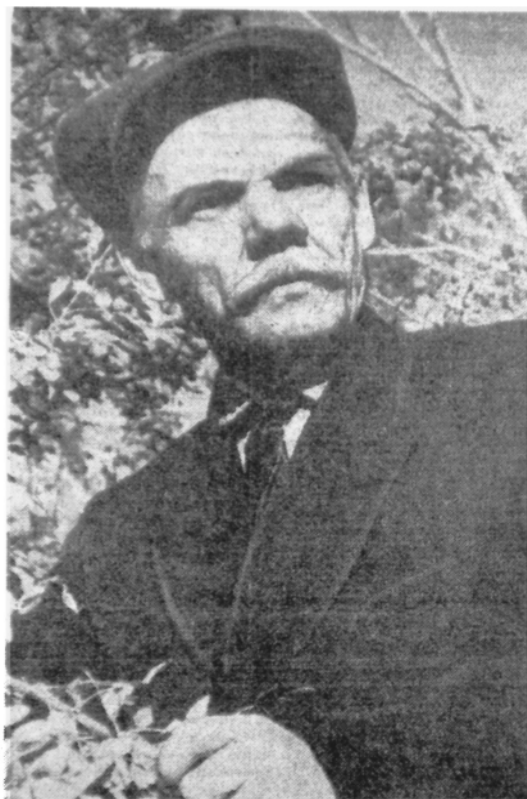
П. Н. Дьяконов в 1930-х и 1950-х гг. (из фондов КГБУ ГАКК)

П. Н. Дьяконов в 1966 г.
(из фондов КГБУ ГАКК)

Фото из газеты «Камчатская правда», 1966 г.

личики и организовал Олоторское лесничество. Здесь ему впервые пришлось решать вопросы о рациональном совмещении интересов лесного хозяйства с развитием оленеводства в Корякском национальном округе. И в этих условиях П. Н. Дьяконов проявлял заботу о сохранении и приумножении его природных богатств.

В период Великой Отечественной войны и послевоенные годы Павел Николаевич трудился в Петропавловском лесничестве, работал и начальником областного управления лесного хозяйства.

Сейчас в возглавляемом П. Н. Дьяконовым Усть-Камчатском лесничестве только за последние 2 года создано 70 гектаров лесных культур, на площади в 500 гектаров проведены работы по естественному возобновлению леса.

Старейший лесовод много сил приложил к изучению флоры Камчатки. Материалы, собранные им в результате изучения камчатских и чукотских лесов были обработаны совместно с Г. Ф. Стариковым и изданы. Это составило две книги — «Леса Камчатки» и «Леса Чукотки».

Павел Николаевич всегда среди молодежи, школьников и пионеров. Он выступает с беседами, печатает свои заметки в газетах и журналах, ведет большую переписку со многими учеными-лесоведами и биологами,

принимает активное участие в работе Географического общества. За долгие годы и безупречную службу награжден значками «X лет», «XX лет» и «XXX лет» службы в государственной лесной охране.

Лесоводы — дальневосточники сердечно поздравляют Павла Николаевича и желают богатую камчатского леса сил и здоровья.

Ю. ГРИДНЕВ.

Начальник Камчатского управления лесного хозяйства.

НА СНИМКЕ: П. Н. Дьяконов.

Фото Г. ГАНДУКЕВИЧА.

ХРАНИТЕЛЬ ЛЕСА

УКАЗОМ Президиума Верховного Совета РСФСР группе лесоводов республики за большие заслуги в развитии отечественного лесоводства присвоено почетное звание «Заслуженного лесовода РСФСР». Среди них и старейший лесовод Камчатки Павел Николаевич Дьяконов. Без малого 40 лет назад, в 1927 году в Помоздинском лесничестве Коми АССР начался трудовой путь Павла Николаевича. За семь лет было много исхожено по лесным дебрям обширного северного края.

Тяга к знаниям, к неповторимым по красоте и своеобразию северным лесам привела его в 1935 году на работу в Камчатскую область. Лесное хозяйство на Камчатке тогда еще только зарождалось. Работая в Усть-Камчатском районном лесничестве, Павел Николаевич внес много ценного в охрану лесов. Существующая ныне зеленая зона вокруг поселка Ключи, с замечательными по красоте комплексами растительности, — детище П. Н. Дьяконова.

Затем он переехал в Ти-

Статья из газеты «Камчатская правда», 1966 г.

Вскоре, научившись управляться с нартой и собачьей упряжкой, Дьяконов мог самостоятельно ездить везде, куда требовалось: до Верхнего Пенжино, Ачай-Ваяма, бухты Натальи, в Палану, Тигиль и другие селения. Пешком и на собаках он обошёл и изъездил Камчатку почти от мыса Лопатки до границы с Чукоткой (как указывал он сам: «немного не доехал до Майна-Пыльгино»).

Трижды побывал на Ключевской сопке, правда, до вершины добрался только однажды. «Поднимались довольно хорошо, но застигнутые густым туманом на снежниках Ключевской сопки, и не найдя избушки вулканологов, спускались обратно вниз очень тяжело, да ещё в полную ночь. Путь по снежникам и оврагам был выше тридцати километров, по пояс в снегу и без следа дороги».

Восходил на Шивелуч, Толбачик и Бакенинг, правда, на последний «не до верху». Покорил Ганальские востряки и Валагинский хребет, многие другие вершины. «Чукотку видел с земли только в её южной части» [1, л. 44].

За время этих путешествий пришлось пережить немало драматических эпизодов. Иногда жизнь висела, что называется, на волоске. В 1937 г. во время подъёма на Ключевскую сопку Павел Николаевич провалился в трещину. «Вернее, — вспоминал он, — просели нога и туловище, а всё остальное тело оказалось наверху». Подоспевшим на помощь товарищам удалось вытянуть его с помощью верёвки. Посмотрели вниз: по коже пробежал морозец. Глубина трещины превышала два десятка метров...

Как-то прошёл по прибойной полосе под снежным карнизом у отвесных обрывов мыса Гека. На обратном пути, спустя всего лишь полчаса, обнаружил, что прибойная полоса на несколько метров в высоту забита плотным снегом. Его огромная тяжёлая масса могла бы задавить любого путника.

«По восемь суток сидели вместе с другом в очень сильную пургу в палатке без печки, не имея возможности двинуться дальше или хотя бы покормить собак».

Случалось чувствовать себя и настоящим первопроходцем: однажды пришлось пробираться по совершенно нехо-

женому, крутому узкому пути из Верхней Пахачи в верховья реки Апуки. «Речку коряки знают, но путь очень тяжёл, буквально из отдельных льдин, высоких сплошных кустов и скал. Люди здесь совсем не проезжали... Вместе с собаками проходил двенадцать километров по наледи реки Пылговаям, потом пять километров двигался до кустарников. Было очень холодно, пока не развёл костёр и не отдышался. Мороз — свыше пятидесяти» [1, л. 45—46].

В этих сложных и опасных разъездах Павлу Николаевичу пришлось даже спасать людские жизни: из последних сил вытягивать из воды утопавших...

27 ноября 1940 г. П. Н. Дьяконов, уже опытный специалист, переведён в Петропавловское лесничество. Начальник Камчатского областного управления лесами М. Дугин вскоре так охарактеризовал деятельность своего подчинённого: «За период работы лесничим товарищ Дьяконов с работой справляется, план по сбору лесных доходов за 1941 г. Петропавловским райлесничеством выполнен на 107 % и за три квартала 1942 г. — на 104 %. В период работы в Петропавловском райлесничестве был инициатором организации социалистического соревнования в своём коллективе, а также вызывал на соревнование коллективы других лесничеств» [1, л. 22].

28 сентября 1942 г. вышел приказ № 21 по Камчатскому областному управлению лесами. Документ объявлял, что по решению Камчатского облисполкома от 14 августа 1942 г., с 1 октября 1942 г. организуется Олюторское районное лесничество. Основой его деятельности стало «Положение о лесах местного значения Хабаровского края», утверждённое Хабаровским крайисполкомом 9 августа 1942 г. (до 1956 г. Камчатская область входила в состав Хабаровского края).

«На организацию Олюторского лесничества и на постоянную работу после организации в должности лесничего перевести с 1 октября 1942 г. лесничего Петропавловского лесничества тов. Дьяконова Павла Николаевича» [1, л. 21].

В это время произошло важное личное событие — в 1942 г. родилась дочь.

На новом месте трудился до середины ноября 1944 г., проведя большую организационную работу, после чего вернулся в Петропавловск. «За сравнительно небольшой период работы в Олюторском райлесничестве товарищ Дьяконов обследовал большую территорию лесов и собрал материал о лесосырьевых ресурсах района». План «по лесным доходам» новое лесничество за первое полугодие своего существования выполнило на 90 %. Здесь вновь проявилась его склонность к научной работе: в 1943 г. составлена первая карта олюторских лесов, написана статья «Лесные ресурсы Олюторского района».

13 ноября 1944 г. Павел Николаевич вновь назначен лесничим Петропавловского лесничества. На этом посту одной из его заслуг является сбережение заповедного леса на Никольской сопке, того самого, в котором шёл решающий бой во время знаменитой Петропавловской обороны 1854 г.: во время войны нашлось немало желающих заготавливать здесь дрова, как из числа горожан, так и руководителей некоторых предприятий.

Вскоре он поднялся на очередную ступеньку служебной лестницы. Приказ № 9 по Камчатскому областному управлению лесами местного значения от 20 июля 1946 г. гласил: «На основании решения № 335 от 16 июля 1946 г. исполкома Камчатского областного Совета депутатов трудящихся, с 20-го сего июля вступил в исполнение обязанностей начальника Камчатского областного управления лесами местного значения. Начальник областного управления лесами *Дьяконов*» [1, л. 27].

В ноябре 1946 г. он вступил ВКП(б). Спустя короткое время — с 1 октября 1947 г. — назначен директором Петропавловского лесхоза. Официально в этой должности был утверждён Москвой 13 января 1948 г. Вот датированная этим днём выписка из приказа по Главному управлению лесами Восточной Сибири и Дальнего Востока: «Дьяконова Павла Николаевича утвердить в должности директора Петропавловского-на-Камчатке лесхоза». Приказ подписал начальник управления М. Гаврин [1, л. 30]. Обращает на себя

внимание наименование лесхоза — «Петропавловский-на-Камчатке», хотя уже почти четверть века город, в окрестностях которого раскинулись его лесные угодья, именовался «Петропавловском-Камчатским».

Лесхозы обычно включали несколько лесничеств. Помимо забот собственно лесничеств, эти предприятия вели лесозаготовки и занимались производством товаров из древесины, сенокошением, сбором грибов, ягод, лекарственных трав для населения.

Организационные способности руководителя были быстро оценены. Приказом по Хабаровскому краевому управлению лесного хозяйства от 12 марта 1948 г. «для укомплектования отдела охраны леса директора Петропавловского лесхоза товарища Дьяконова П. Н. освободить и перевести в аппарат краевого Управления лесного хозяйства». Теперь ему следовало к 20 апреля сдать дела старшему лесничему З. С. Ивановской, выехать в Хабаровск, а перед вступлением в новую должность до 1 июля 1948 г. отгулять подоспевший очередной трудовой отпуск [1, л. 31]. Из него, кстати, он вышел досрочно: 27 июня 1948 г. стал начальником отдела охраны леса Хабаровского краевого управления лесного хозяйства.

3 марта 1953 г. начальник управления Г. Ф. Стариков подписал производственную характеристику П. Н. Дьяконова: «Инициативный, прекрасно знающий своё дело работник. Морально устойчив, политически развит и выдержан. Систематически работает над повышением своих технических и политических знаний. Заботу о молодых специалистах проявляет. Как недостаток, не всегда дисциплинирован и требователен к себе и подчинённым. Имеет склонность к научной работе. Хороший общественник. Авторитетен среди членов коллектива. Занимаемой должности соответствует» [1, л. 35]. Авторитет, действительно, имелся, и не на словах: с 1949 по 1953 г. П. Н. Дьяконов несколько раз избирался членом Хабаровского краевого комитета профсоюза работников лесной промышленности и его президиума.

В кругу семьи. Жена Мария Александровна Дьяконова (Комарова) и дочь Валентина (из фондов КГБУ ГАКК)

Минуты отдыха: на рыбалке с дочерью (из фондов КГБУ ГАКК)

Апрель 1958 г. в пос.
 Ключи
 Дом лесничества, вдали
 (на север/северо-запад)
 Заречного хребта, дальше
 Шивелуч
 Дьяконов

Автограф П. Н. Дьяконова: «Апрель 1958 г. в пос. Ключи. Дом
 лесничества, вдали (на север) слева части Заречного хребта, дальше
 Шивелуч» (из фондов КГБУ ГАКК)

Вспоминая об этом периоде жизни, П. Н. Дьяконов, записал: «Находясь в крае, пришлось побывать в самых разных местах. Побывали мы с Г. Ф. Стариковым на Омолоне, Большом и Малом Анюях, на Анадыре и даже у залива Креста. Вместе с Г. Ф. Стариковым написаны три книги: “Леса Камчатки” (два издания) и “Леса Чукотки”...» Последнюю книгу специалисты оценили по достоинству. Рецензия на неё, написанная В. В. Никольской и В. П. Чичаговым, опубликованная в 1958 г. в «Известиях Всесоюзного Географического общества», заключала: «С точки зрения общегеографической, “Леса Чукотки” — это одна из наиболее удачных научно-популярных книг, написанных о Чукотке за последние годы» [2, л. 2].

П. Н. Дьяконов продолжает: «Много летал на самолётах. Имел длительные (по неделям) остановки в разных пунктах Магаданской области». Во время одной из таких командировок в сентябре-октябре 1952 г. он со спутниками осмотрел с воздуха и описал огромную площадь лесных угодий Колымы, Чукотки и Камчатки.

«Интересно, что за всё это время помимо многих обязанностей была главная — охрана лесов от пожаров. Это не всегда интересовало, но всегда обязывало».

Но кабинетная работа, пусть интересная и связанная с частыми поездками по краю, всё же тяготила. Отдушиной стали короткие выезды в лес, и не столько на объявленную охоту, сколько для уединения или общения с родственными душами — простыми лесниками. Тянуло назад — к нетронутой природе, на Камчатку. Это желание осуществилось в ноябре 1955 г. — Павла Николаевича назначили директором Усть-Камчатского лесхоза «с резиденцией» в посёлке Ключи. Позже одной из причин возвращения на полуостров он назвал состояние здоровья — одолевали приступы стенокардии [3, л. 5]. Возможно, сказались перенесённые труды и лишения детства и юности.

13 декабря 1955 г. он с семейством — женой Марией Александровной, дочерью и верным псом Амуром — отправился в Петропавловск.

Этот путь и новую встречу с Камчаткой Павел Николаевич описал в своём дневнике.

«13-го выехали из Хабаровска. Провожали друзья, в городе и в пути. Проехали благополучно.

17 декабря. В 16 часов дня на пароходе “Азия” выехали в Петропавловск. Класс второй, каюта 199. Первого класса не достали, хотя народу немного. Амур ведёт себя хорошо.

19 декабря, через двое суток, к вечеру, показался Сахалин. Японское море проехали хорошо, качало мало, только на зыби, хотя мои лежали. Амур бегаёт по трапам как настоящий моряк. Тепло, никаких льдов.

21 декабря в 18 часов прошли Четвёртый Курильский пролив. Охотское море к Курилам стихло...

22 декабря вечером вошли в бухту. Надо сказать, прошли очень удачно... В Петропавловске тепло и идёт сырой очень мелкий снег. Ночевали на судне, так как пришвартовались только ночью.

Бог мой, на берегу ручьи, лужи и целые болота, а мы в валенках. Хорошо, что через случайного посыльного Гоша Гайдукевич (Гавриил Захарович Гайдукевич — известный камчатский фотожурналист, живший в Петропавловске, знакомый с Дьяконовым с конца 1930-х гг. — *Ред.*) послал резиновую обувь, и мы сошли.

Петропавловск, хоть и в снегу, но по сравнению с другими годами его мало. Погода сырая, пасмурная. Прошёл один циклон с ветром, а в остальном — тихо. Улететь нелегко».

В камчатской столице Дьяконовым пришлось задержаться в ожидании самолёта до Ключей. Здесь встретили Новый, 1956-й, год. Отправиться в полёт удалось только 11 января: мешало ненастье. «Погрузились на ЛИ-2 и вылетели. Погода пасмурная и видимости нет. Курс на Ключи, но если Козыревск ещё видать, то Ключи найти не могли. С трудом сели в Козыревске, где нас самолёт и вытряхнул...» [4, л. 1—3 об.].

В своём хозяйстве дело охраны лесов от огня и лесонарушений Дьяконов поставил хорошо. В течение 1956—1965 гг. не допустил ни одного пожара. За 1964—1965 гг. было

высажено 70 гектаров лесных культур и проведены работы по содействию естественному возобновлению растительности на площади в 500 гектаров [5, л. 7].

В 1960 г. Павел Николаевич по состоянию здоровья — сердце пошаливало всё чаще и чаще — был вынужден оставить пост начальника лесхоза. Вначале стал главным лесничим леспромхоза в Козыревске, а затем — лесничим Усть-Камчатского лесничества с «резиденцией» в Ключах. Здесь семья поселилась на улице Кирова в доме номер 72. В этот период жизни приходилось выполнять и партийные поручения: избирался членом бюро и секретарём Ключевской сельской парторганизации.

Профессиональные обязанности были весьма многочисленными. Одна из них: проведение научных охот. Об одном таком «научном охотсезоне» в 1965 г. Дьяконов докладывал Камчатскому областному управлению охотничьего хозяйства. По ряду обстоятельств полевых выходов в этом сезоне было сделано мало, поэтому и дичи удалось добыть немного.

Утром 27 апреля в урочище Эульчинок подбил глухаря-самца весом 3,8 кг. «Семенные железы сильно увеличены. Токовал очень азартно, несмотря на пасмурное утро».

18 мая на реке Камчатке подстрелил кулика, ещё не подававшего голоса. Кулики запели только 22 мая. В этот же день снова посетил глухариный ток в Эульчинке. Сейчас не стрелял. Самцы токовали весьма азартно, но самки почти не попадались.

25 мая на озере Гренадер «для определения вида» добыл несколько державшихся табунками куликов-самцов.

4 июня недалеко от Ключей подстрелил самца бледного дрозда, также «для определения вида».

Через день в семь утра в Эульчинке взял очередного глухаря-самца весом 3,6 кг. «Азартно пел, семенники ещё сильно увеличены, хотя у глухарок (три гнезда от семи до девяти яиц) полные кладки и кровавое пятно в яйце уже больше ногтя на большом пальце».

Глухари в Эульчинке заводили свои песни последний раз в середине июня. С 19-го числа их уже не было слышно.

22 июня нашёл два глухариних гнезда с яйцами, а на следующий день выяснил, что выводки их уже покинули.

8 июля в зелёной зоне поселка Ключи обнаружил семь порхающих глухарят.

20 июля в Эульчинке из выводка в девять штук добыл двух глухарят: самца весом 440 и самочку в 410 граммов. «Все глухарята хорошо летали, хотя стремились побыстрее сесть. На деревьях сидели крепко, а севшие на землю, в траву, убегали. Выводок кормился на поляне, занятой двухлетней культурой сосной» [6, л. 1].

Помимо основных забот случалось участвовать в научных экспедициях в качестве эксперта. Так, 29 июня 1967 г. Камчатская лесная опытная станция в лице её директора кандидата сельскохозяйственных наук В. А. Афанасьева обратилась с просьбой принять участие в обследовании «для установления их водоохранно-защитной роли» каменноберёзовых лесов и стлаников в верховьях реки Камчатки. «Надеемся, что Ваш многолетний опыт и знание условий Камчатки окажут большую помощь исследовательской группе, работающей в этом районе» [7, л. 12].

Шли годы, трудиться ввиду ухудшавшегося здоровья становилось всё сложнее: «Работать в лесничестве становится физически не по силам, а не работать юридически ещё нельзя...» [7, л. 16].

Значительную часть жизни П. Н. Дьяконов вёл дневники, отражавшие состояние природы, хозяйственную деятельность, включавшие мелкие бытовые подробности, сейчас помогающие понять, как жили люди на Камчатке в середине прошлого века. Ведение подобных записей входило и в профессиональные обязанности. Затем на их основе составлялась отчётная документация, велась служебная переписка. А позже строки рабочих тетрадей и дневников ложились в основу его научных и научно-популярных статей и брошюр.

Вот фрагменты «Дневника исследователя» за 1966 г., повествующие об одном, вполне рядовом, извержении крупнейшего вулкана Азии — величавой красавицы Ключевской сопки. Дымил её «паразит», то есть боковой кратер.

По служебной надобности: в бате...

...и на лодке (из фондов КГБУ ГАКК)

Раздумья на фоне камчатской природы

	1962	1961	1958	1957	1956	1950
1. Воронки в лесу у деревьев	4/12	8/12	4/12	14/12	20/12	22/12
2. Луха в провале около лесхоза	12/12	14/12	19/12	23/12	22/12	19/12
3. Ледоход на р. Камчатке у Ключей	28/12	5/1	1/1	14/1	11/1	8/1
4. Выход муравьев на поверхность	5/1	29/12	14/1	10/1	8/1	2/1
5. Первая песня жаворонка	24/1	28/12	4/1	26/12	26/12	3/1
6. Появление белой трясогузки	20/12	23/12	30/12	26/12	22/12	20/12
7. Прилет речной чайки	28/12	3/1	9/1	4/1	7/1	4/1
8. Появление бабочки крапивицы	13/12	—	28/12	12/1	24/12	3/1
9. Первое кукование кукушки	24/1	9/1	1/1	3/1	6/1	5/1
10. Первая песня серотейки поганки	14/1	12/1	—	20/1	18/1	17/1
11. Бегание бекаса	11/1	17/1	30/1	17/1	—	18/1
12. Полная кладка яиц у вороны	11/1	—	8/1	3/1	—	—
13. " " " у сороки	—	24/1	31/1	26/1	—	—
14. Оголоение Заречного хребта	11/1	20/1	1/1	29/1	31/1	22/1
15. Начало пахоты огородов	—	28/1	27/1	24/1	28/1	23/1
16. Начало посадки картофеля	29/1	4/1	4/1	4/1	4/1	30/1
17. Набивка ледников населением	19/1	—	4/1	21/1	26/1	—
18. Первые проталины в огороде	—	—	1/1	24/1	25/1	—

Страница дневника фенологических наблюдений в окрестностях пос. Ключи в 1956—1962 гг. (из фондов КГБУ ГАКК)

«19 октября. Погода опять хорошая, солнечная, хотя в Петропавловске с дождичком. Задымление от паразита всё же развернуло в нашу сторону и сегодня ночью сажа выпала в Ключах. Немножко, но достаточно, чтобы загрязнить вывешенное на ночь сырое бельё.

С утра вся сопка и паразит в дыму, хотя и белом, но непрозрачном. Весь день, хотя и немного, но сажа выпала над селом. Вечером огонь паразита виден опять, но днём ни о какой фотосъёмке и речи не было — всё в дыму.

20 октября. Восход очень красный. Потом затянуло каким-то туманом. Паразит работает, весь в дымовой завесе, не просматривается. Сопка дымит, хотя и в мизерном количестве, но на село падает [пепел]. Ветер южного направления, что крайне редко...» [8, л. 10 об.—11].

А вот выдержки из дневника, начатого 25 июля 1967 г. в Ключах:

«25 июля. Погода переменная, но без осадков. К вечеру проглядывало солнце. Грибов всё ещё нет. Жимолость носят, голубика ещё зелёная. К вечеру отдельным лицам удалось собрать по три-пять грибов, но это очень мало.

26 июля. Утром туман, холодно — до плюс пяти. День тоже холодный, переменный, но к вечеру проглянуло солнце.

27 июля. День серый. Утром плюс десять. Дороги сухие. Авиация работает. Вчера в разных местах видели четыре выводка глухарят. Два уже подпархивают, а два ещё убегают, прячутся.

Вечером подморосил очень мелкий дождичек, и довольно тепло...

30 июля. И солнечно, и жарко. Утром сопки открывались, но днём за клубило тучами. Ещё 28-го картошка вся дружно покрылась цветами. Мух в комнате в этом году очень мало. Липучки совсем не требовались. Интересно — влетят в комнату и кружатся у стекла, но иногда подымают, хотя стёкла ничем не обрабатывались. Потолок и лампочка совсем не имеют мушиных отметок.

31 июля. Очень тепло, солнце и облака. Вечером слегка, очень слегка приморосило. Ночью прошёл дождь с силь-

ным ветром — много листы оторвало с тополей. Оборвало и последние раскрывшиеся плети, ещё днём кое-где висевшие одиночно. Тополь закончил сброс семян.

12 августа. Потоп, если не всемирный, то, во всяком случае, порядочный. Лило всю ночь, и льёт с утра, плюс двенадцать. Тишина. Кюветы не перейдёшь, да и ямки на дороге в озёрки превращаются.

А тут ещё позавчера погорело на лесозаводе (сгорела одна пилорама — замыкание) и нет света, а ночи уже длинные. Правда, к вечеру свет дали, и также ветерок с запада начался, но льёт ещё сильнее, и похолодало до плюс шести. Огурцам конец. В общем, собрали их ведро с шести раз...» [9, л. 2—6].

Некоторые сведения об этом периоде жизни семьи Дьяконовых можно найти в книге воспоминаний профессора Май Тимофеевны Мазуренко «Дорогой мой ботаник», изданной в Москве в 2006 г., рассказывающей о деятельности её мужа и коллеги — доктора биологических наук, профессора-ботаника А. П. Хохрякова. Супруги-учёные дважды побывали на Камчатке, при этом оба раза гостили у Дьяконовых. Первая встреча состоялась в конце июля 1967 г.: «В Ключах устраиваемся в лесничестве. Директор — знаменитый на всю Камчатку и за её пределами лесовод Павел Дьяконов. Маленького роста, со светлыми усами, пожилой, но ещё бодрый крепыш.

Дальнейшая наша жизнь в Ключевском лесничестве идёт под опекой его энергичной супруги Марии Александровны. Типаж достойный капитанши из “Капитанской дочки” А. С. Пушкина. Мария Александровна командует лесниками, как и своим тихим супругом. Срочно приказано топить для нас баню.

Лежим на крыше, загораем. Любуемся и удивляемся огороду и теплице Марии Александровны. На крыше сохнут газеты. Переборка, этикетирование и прочие заботы о гербарии идут под аккомпанемент рассказов Марии Александровны. Она пережила ленинградскую блокаду, ухаживала за матерью Дьяконова, который все долгие военные годы

был на Камчатке и ничего не знал о семье, не знал, что мать и его дети погибли в блокаду. В живых осталась только Мария. Вместе с Павлом она объездила весь север и юг Камчатки. У них растёт дочь Валя. Дьяконов написал книгу “Леса Камчатки”.

По мнению Дьяконова, с ботанической точки зрения Ключевская сопка не очень интересна, хотя все ботаники стремятся побывать на самом высоком и к тому же действующем вулкане. Он посоветовал нам подняться на другой, уже давно не действующий вулкан Харчинский, противоположный Ключевскому. Там хорошо выражена горная тундра, высоты значительные...

Жизнь в Ключах мы вспоминали с большим удовольствием. Собрали большой материал».

Ещё несколько записей Павла Николаевича, сделанных им через год с небольшим, уже в Петропавловске, где семья жила с начала 1968 г. на улице Горького. Теперь он трудился заместителем председателя президиума Камчатского областного совета Всероссийского общества охраны природы. Помимо прочего, эти записи ценны тем, что позволяют судить о том, насколько изменился и изменился ли вообще наш климат за истекшие четыре с лишним десятилетия.

«29 ноября 1968 г. Ночью был сумасшедший ветер, всё гремело, но днём, в общем, тихо. За ночь ещё выпало снега, и теперь можно считать, что земля закрыта, и зайца издали уже не увидишь.

3 декабря 1968 г. На дворе, у нашего дома сегодня показались чечётки, три штуки.

4 декабря 1968 г. Ну и ночь! Сильнейший ветер с дождём и сырым снегом. Днём, с утра тепло, но ещё несло слякоть, и к вечеру подморозило. Гололёд. На судоверфи шёл сильнейший ливень без снега» [9, л. 52].

Приведём строки дневника за 1969 г., по горячим следам сообщающие о страшной трагедии, пришедшейся на начало февраля:

«Январь был серый, тёплый. В городе без ботинок нельзя. Лишь самый конец ясный.

Февраль. Сразу с холодов. Весь февраль, даже в городе, мы ходим в валенках. 6-го началась и 7-го кончилась страшная пурга, и снегопад наделал бед. Развалило тринадцать домиков, погибло более ста сорока человек, а машин по дороге в Елизово было остановлено более тысячи штук.

Несколько меньшая пурга 10—11 февраля. Остальное время ясно и холодно. Чечёток не стало видно, возможно откочевали. Но снегири перебрались в город. К концу месяца также свиристели освоили помойки.

Март начался также с холодов...» [9, л. 52—53].

Здесь следует пояснить. Автор пишет о сходе лавины на Сероглазку, накрывшей частные дома. При этом погибло несколько (но никак не «более ста сорока человек»). По воспоминаниям старожилов, по городу потом долго гуляли слухи о том, что лавина сошла якобы из-за ракеты, пущенной военными. Но подтверждения они не нашли...

Вторая встреча М. Т. Мазуренко с Дьяконовыми произошла в сентябре 1969 г. в Петропавловске, после Всесоюзного совещания «Биологические ресурсы суши Камчатки»:

«Взяли такси и отправились на соседнюю сопку, в другой район Петропавловска, к Дьяконовым. Они к тому времени переехали из Ключей в Петропавловск. Старик Дьяконов больной, на пенсии. Мария Александровна извлекала максимум пользы из его регалий. Сотрудники лесничества обеспечивают их дровами. Квартира в новом пятиэтажном типовом доме с печным отоплением. И это удобно. Мария Александровна не думает расставаться с печью, как это делают почти все её соседи. Такие же печи стояли и в Магадане. Но очень быстро в начале семидесятых годов печи были полностью выброшены. (Печью автор ошибочно называет кухонную плиту, топившуюся дровами или углём. Отопление в доме было центральным. — *Ред.*) Едим фирменные с пылу с жару пирожки Марии Александровны. Уют и любовь. Как же нам было там хорошо!»

За долголетний и безупречный труд П. Н. Дьяконов был последовательно награждён тремя ведомственными знаками отличия — «X лет», «XX лет» и «XXX лет службы

в государственной лесной охране». В зрелые годы его заслуги перед отраслью были отмечены рядом высоких наград. За успехи в развитии отечественного лесоводства 13 июня 1966 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР ему присвоено почётное звание «Заслуженный лесовод РСФСР».

На известие об этом откликнулось множество государственных и общественных организаций, коллег, друзей и знакомых Павла Николаевича. Так, 15 июля 1966 г. он получил поздравительную телеграмму начальника Камчатского управления лесного хозяйства Ю. М. Гриднева: «Ключи Камчатской области, лесничество, Дьяконову Павлу Николаевичу. Дорогой Павел Николаевич! Камчатское управление поздравляет Вас с присвоением почётного звания заслуженного лесовода РСФСР. Желаем здоровья, дальнейшей успешной деятельности по сохранению и приумножению лесных богатств Камчатки, счастья в личной жизни» [5, л. 10].

Приказом по Министерству лесного хозяйства РСФСР № 395 от 5 сентября 1966 г. за «активную работу по сохранению и восстановлению лесов» были награждены участники Всероссийского совещания лесничих. Им вручён учреждённый постановлением Совета Министров РСФСР от 10 июля 1964 г. № 386 знак «За сбережение и приумножение лесных богатств РСФСР». По Камчатской области таковым отмечен П. Н. Дьяконов, тогда лесничий Козыревского лесхоза [1, л. 42].

6 сентября 1966 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР с формулировкой «за успехи в выполнении заданий семилетнего плана» П. Н. Дьяконов награждён орденом Трудового Красного Знамени [5, л. 1 об.].

В феврале 1968 г. связи с 60-летним юбилеем со дня рождения и 40-летием начала трудовой деятельности, а также 50-летием со дня выхода первого номера газеты «Камчатская правда» по представлению Камчатского управления лесного хозяйства ему вручена почётная грамота обкома КПСС и облисполкома, а по поручению Министерства лесного хозяйства РСФСР — именные часы [5, л. 12, 18].

В июне 1969 г. Павел Николаевич вышел на пенсию. Его заслуги в развитии лесного хозяйства Камчатской области, вклад в охрану и изучение природы были оценены назначением особой — повышенной, так называемой «персональной пенсии республиканского значения». Теперь он именовался «персональным пенсионером РСФСР». Но по мере сил продолжал трудиться как на ниве лесохозяйственной науки, так и в области просветительства, будучи действительным членом Камчатского отдела Всесоюзного Географического общества (ВГО), вёл большую переписку со многими учёными-лесоведами и биологами, состоял членом научно-технического совета при Камчатской лесной опытной станции [5, л. 11]. В июле 1970 г. составил заключение о «Рекомендациях по ширине запретных полос вдоль нерестовых рек в среднем течении реки Камчатки».

В последние годы жизни он очень тесно сотрудничал с главной областной газетой «Камчатская правда», публиковался и в молодёжном издании — «Камчатском комсомольце», выступал по радио и телевидению, вёл большую работу среди населения, молодёжи, школьников и пионеров по популяризации лесных богатств Камчатки.

Павел Николаевич Дьяконов скончался в Петропавловске 5 декабря 1971 г. Его похоронили на Халактырском кладбище, на аллее, что недалеко от бывшего, сейчас уже основательно «застроенного», центрального входа. Рядом спустя двенадцать лет упокоилась его супруга — Мария Александровна Дьяконова (22.06.1907—18.10.1983).

Земной путь лесоведа Дьяконова завершился более сорока лет назад, но его научное и творческое наследие живёт и продолжает служить нашей Камчатке, чему свидетельством является книга, которую ты, читатель, держишь сейчас в своих руках.

Значительная часть его публикаций вышла уже после смерти автора. В первую очередь это относится к «Зелёному другу Камчатки» — выпущенной Камчатским отделением Дальиздата в 1973 г. брошюре, адресованной всем любителям и пользователям природы, в особенности юным.

Частное фото А. В. Богданова.
Редактор Н. А. Билимский.

КАРТОЧКА ПОЧТОВАЯ

Коллектив треста "Камчатлес"
сердечно поздравляет Вас с
шестидесятилетием со дня
рождения. Желаем Вам, ува-
жаемый Павел Николаевич,
доброго здоровья, личного
счастья, долгих лет жизни
и плодотворных успехов в
работе на благо нашей лю-
бимой Родины.

Управляющий трес-
том "Камчатлес"

П. ЕФРЕМОВ.

Куда Облисполком

Управление лесного хозяй-
ства

Кому ДЬЖОНОВУ

Павлу Николаевичу

Адрес отправителя: трест
"Камчатлес"

Художник Б. Н. Арцыменев.
Редактор Е. Д. Анискин.

КАРТОЧКА ПОЧТОВАЯ

"Камчатская правда" сердеч-
но поздравляет Вас, нашего чи-
тателя и друга, с наступающим
Новым годом.

1968 год знаменателен и для
газеты — пятьдесят лет тому
назад, 28 февраля, вышел пер-
вый номер "Камчатской прав-
ды". Будем благодарны Вам за
советы и пожелания, которые
пришлете своей газете.

Желаем Вам доброго здо-
ровья, новых успехов в труде
на благо любимой Родины и
большого счастья.

Петр. тип. Зак. 6505. Тир. 600.

Издание Министерства связи СССР. А 11070 10/V 1967. МПФ Госнака. Зак. 11980. Цена художественной карточки с маркой 4 коп.

КОММ ОП 35027/30

Мила

Куда Камчатская обл.

Уч. Кам. р-н. Ключи
ул. Кирова 72

Кому Дьжонову

Павлу Николаевичу

Адрес отправителя:

Поздравления от коллективов треста «Камчатлес» и редакции
газеты «Камчатская правда» (из фондов КГБУ ККОМ)

Памятники М. А. Дьяконовой (1907—1983) и П. Н. Дьяконову (1908—1971) на Халактырском кладбище в Петропавловске.
Фото С. В. Гаврилова, август 2011 г.

М. А. Дьяконова (Комарова)
(из фондов КГБУ ГАКК)

Портрет П. Н. Дьяконова
на надгробном памятнике

Относительно недавно его опубликованное научное наследие пополнилось двумя материалами, вошедшими в составленный Камчатским филиалом Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения Российской академии наук сборниками научных трудов «Биология и охрана птиц Камчатки». Второй выпуск за 2000 г. включает его статью «Птицы долины реки Камчатки» (с. 16—25), седьмой за 2006 г. — в разделе «Краткие сообщения» (с. 116) воспроизводит статью «Орнитологическая фенология долины реки Камчатки», подготовленные современными учёными.

Словно завещание сейчас звучат его слова, когда-то адресованные лесоводам, но являющиеся актуальными и для всех нас [1, л. 46]: «Любите природу, особенно леса, но не “вообще”, а в деталях. Вникайте, записывайте каждый её шаг, каждый штрих, каждую мелочь. В дальнейшем это очень пригодится».

Штрихи творческой биографии

Считается что, талантливый человек талантлив во многом. Отдельные страницы жизнеописания П. Н. Дьяконова можно посвятить его поэтическому творчеству. Следует отметить, что сам он себя поэтом не считал, сказав по этому поводу, что никогда не ставил цели быть им. Первые стихи написал ещё в начале тридцатых годов, множество их, иногда, по отзывам, неплохих, бесследно растерял, не придавая им никакого значения. «Я пишу то, что застучит, запросится наружу именно в данную минуту. Отсюда иногда краткость, чёткость и лиричность отдельного образа при почти всегдашнем отсутствии глубины содержания. Когда-то одна из моих читательниц метко назвала стихи игрой настроений. Там же, где содержание есть, оно слишком личное и не для печати...» [7, л. 3].

В сентябре 1958 г. два стихотворения: «Осенний пейзаж» и «Утро» — были опубликованы в «Камчатской правде» и хорошо приняты читающей публикой, хотя и отметившей некоторые недостатки. Почти в каждом его произведении

присутствуют подкупающие лиричностью строки, показывающие, что автор тонко чувствовал и понимал окружающий мир. Но многие творения ещё нуждались в серьёзной доработке, улучшении «глубины содержания», дабы приобрести большее «общественное звучание». Нередко найденные удачные образы или сравнения кочевали из одного стихотворения в другое.

В октябре этого же года он в одном из писем отметил, что усиленно работать над стихами ему, пожалуй, уже поздновато. «Мне пятьдесят лет. Коронаросклероз, стенокардия, спазмы мозговых сосудов и даже инфаркт, все они уже вошли в мой больничный “послужной список”, и мне не особенно разрешают сейчас не только физическую, но и мозговую нагрузку. А есть дела, на мой взгляд, поважнее...» Тогда «делом поважнее» ему казалось возможное, но не осуществившееся, второе переиздание книги «Леса полуострова Камчатки», причём серьёзно переработанной. «Мой друг (Г. Ф. Стариков. — *Ред.*) вряд ли на этот раз примет участие, и если работать, то одному...» А для этого сил оставалось уже мало.

Объективная оценка его поэтического творчества содержится в переписке с камчатскими и дальневосточными литераторами. 24 сентября 1958 г. заведующий отделом культуры и быта «Камчатской правды» В. Акимов сообщил Дьяконову, что получил его стихи с положительным отзывом от известного дальневосточного писателя, в молодости отмеченного самим А. М. Горьким, Василия Тимофеевича Кучерявенко.

Самому В. Акимову особенно понравилось стихотворение «Осенний пейзаж». Но и в нём было, что улучшить: «Слабы последние две строчки, в которых Вы снова (первый куплет) возвращаетесь к берёзе и утверждаете “простую, суровую красоту”. Хотя суровой красоты не видно в “осеннем пейзаже”. Портит хорошее стихотворение и третий куплет. Это уже лишние мазки к тому, что Вы сказали выше.

Лаконично и ярко четверостишие:

*Я у моря... Ничего не тревожит
Этой глади без края и дна.
Только гальку песчаную гложет,
Набегая на берег, волна.*

Но, дорогой Павел Николаевич, учтите, что это четверостишие — только картинка — не более! В ней ещё нет глубокой поэтической мысли. Вы нарисовали то, что увидели, но не осмыслили увиденное.

В Ваших стихах очень много ещё созерцательности, которая приводит к лёгкости, описательности. Мне кажется, Вам следует в своих стихах идти, если так можно выразиться, не вширь, а вглубь. Больше давать пищи для размышлений читателя!» [7, л. 1—2].

Хорошие отзывы приходили и от других знатоков поэзии, например, хабаровчан Смолякова, Тельканова, Наволочкина: «Безусловно, Вы человек одарённый и можете писать здорово!» Но и они тоже высказывали замечания. Схожую оценку дал мэтр советской поэзии — сам Александр Трифонович Твардовский, главный редактор очень популярного в те годы «толстого» литературного журнала «Новый мир» [7, л. 3—4]. К чести автора, сам он ничего не предпринимал, чтобы собрать положительные отзывы — они всегда делались энтузиастами, и, видимо, оттого, что дьяконовские стихи задевали какие-то струнки в их душах.

В 1962 г. стихи Павла Николаевича были опубликованы в пятом номере литературного журнала «Дальний Восток». Это была уже вполне профессиональная оценка. Их благоприятно отметило бюро литературной консультации при Хабаровском отделении Союза писателей СССР. 28 февраля 1962 г. Степан Авксентьевич Смоляков, известный поэт, долгое время заведовавший секцией поэзии, написал автору: «Присланные четыре стихотворения не вызывают особых замечаний, стихи добротные, литературно гладкие. Правда, Вы сами согласитесь, что когда приходят ваши стихи и, скажем, Арсения Семёнова (тоже камчатца), то те — сильнее, свежее, моложе. И редакция отдаёт, естественно, предпочтение последним.

Интереснее нам показались “Зимняя тундра” и “Ночь на Анадыре”. Правда, в первом есть шероховатости, которые снижают звучание стихов. Вроде:

Собаки немного вздохнут...

Хотя речь идёт об “отдохнут”.

Да сверкает в лицо / далекая звездная пыль...

“Сверкает в лицо” — неудачно, неточно...

Весь “вес” анадырского вашего стихотворения в том и состоит, что оно написано “во глубине страны”. Причём человеком, хорошо знающим эти края [10, л. 8].

«Понравились по-настоящему» дяконовские творения «Зимняя тундра» и «Ночь на Анадыре» и видному поэту Павлу Васильевичу Халову [10, л. 4—5].

Стихотворение «Зимняя тундра» при печати подверглось небольшой редакторской правке с учётом вышесказанных замечаний:

*По тундре собачья упряжка бежит,
Рисуя нечёткий узор...
А тундра, широко, как вольное море, лежит
В обманчивом мареве гор.
Ни тени, ни пятнышка — белая гладь...
Не могут глаза отдохнуть.
Сорока заспорит, и пусто опять.
И вечностью кажется путь.
Чуть видно олений продёт табунок.
Кусты возле речки мелькнут...
Скорее костёр... Дымоватый чайк...
Собаки часок отдохнут.
И снова в дорогу!
С последним лучом
Погаснет литое стекло.
Такое безмолвие ляжет кругом,
Что даже ушам тяжело!
И тундра сожмётся вокруг нарты в кольцо...
И время исчезнет, и быть...
Собачки бегут, да сверкает в лицо
Далёкая звёздная пыль.*

Под стихотворением авторская подпись: «Село Тиличики, Камчатская область».

Редакция «Дальнего Востока» поделилась дьяконовскими стихами с Хабаровским краевым радиокомитетом. Тут тоже не обошлось без дружеской, а значит полезной, критики: «На наш взгляд, они не все равноценные. “Ночь на Анадыре” и “В зной на Амуре” — удачнее. В них есть мысль, поэтичная картина, есть настроение. В двух других стихах есть удачные строфы, но есть и неудачные. Хотя бы такие строчки:

*Такое безмолвие ляжет кругом,
Что даже ушам тяжело!*

Или:

*Хотелось бы ласково спеть
Такой безмятежной пустыне.*

Слова здесь не те, не точные, мысль Вашу понять трудно».

Редактор литературного вещания Д. Манаева сообщила автору, что два его стихотворения будут переданы по радио, и просила присылать новые работы [10, л. 6].

А вот стихотворение «Камчатская весна», датированное 7 апреля 1963 г. Его фрагмент использован в очерке «Весна воды и первых запевов», опубликованном в газетном варианте в мае 1967 г. и воспроизведённом нами в настоящем издании.

*Февраль камчатский — не весна.
И в марте снег идёт...
В апреле лес в объятьях сна,
А на озёрах лёд.
Как будто зимняя пора,
Примет весенних нет.
Но уж запели трактора
Предпосевной привет.
Сосульки с крыши и берёз
Заплакали навзрыд...
Уж никакой теперь мороз
Зимы не возвратит!
И знаем мы — идёт она
До каждого села,
Своя, камчатская весна,
Не ярка, но мила!*

В 1965 г. началось творческое сотрудничество Павла Николаевича с Камчатским областным комитетом по радиовещанию и телевидению. Поводом к нему стало обращение радиожурналистки С. Н. Стефановой от 15 июня 1965 г. За три дня до этого в комитет пришёл заказ от Всесоюзного радио подготовить передачу «Камчатские туристские тропы». Теперь радийщикам было нужно, что называется, не ударить лицом в грязь перед жителями Москвы, Ленинграда и других городов огромного Союза, сделать так, чтобы те поняли, как интересен и удивителен наш край.

Опубликованные ранее материалы Дьяконова о природе были уже хорошо известны профессионалам и любителям. На редакционных «летучках» их всегда отмечали как лучшие. Они нравились всем своим тонким лиризмом, большой любовью к Камчатке, глубоким пониманием красоты окружающего мира. Поэтому и возникла идея обратиться к нему с просьбой: принять участие в подготовке пятнадцатиминутного очерка. «Хотелось, чтобы он был на стихах, текст — мягкий, лирический» [7, л. 5].

Очерк «Камчатские туристские тропы» прозвучал по радио в середине июля. Редакция просила Павла Николаевича присылать всё, что тот сочтёт интересным и нужным: «Очерки, рассказы, стихи о природе Камчатки пользуются у наших радиослушателей большим успехом». Между прочим, уже началось негласное «соревнование» редакций радио и «Камчатской правды». Один из очерков Дьяконова о весенних птицах большой знаток природы и его хорошая знакомая Н. А. Ефремова передала в газету, чем радийщики были очень недовольны [7, л. 6—7].

Так, выражаясь дипломатическим языком, был заключён «договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи». Интересные же материалы ждать себя не заставили...

Длительные наблюдения за природными циклами естественным образом привели П. Н. Дьяконова к увлечению фенологией, то есть наукой о сезонных явлениях в живой природе, изучающей изменения, вызванные сменой времён года и погодных условий, например, сроки цветения разных

растений, прилёта и отлёта птиц. Накопленные за много лет материалы легли в основу статьи «Фенологические показатели окрестностей посёлка Ключи», опубликованной в 1963 г. в сборнике трудов Дальневосточного научно-исследовательского института лесного хозяйства.

Эта работа привлекла внимание серьёзных учёных. 19 января 1965 г. к автору обратился редактор Сибирского фенологического сборника, издававшегося Институтом географии Сибири и Дальнего Востока АН СССР: «Редакционная коллегия фенологического сборника, получив из фенологического сектора Всесоюзного географического общества в Ленинграде Вашу статью с материалами наблюдений в посёлке Ключи Камчатский области, ознакомилась с ней с большим интересом». Учёные отметили существенную ценность собранных Дьяконовым сведений не только для фенологии, но для ландшафтоведения и географии вообще.

Подобные наблюдения в вулканических районах в отечественной практике ранее не проводились. По словам специалистов, «они имеют для науки большой интерес, и было бы чрезвычайно интересно провести сравнительные фенологические наблюдения по растениям, животным, водным объектам на участках, подвергавшихся и не подвергавшихся таким, например, воздействиям, как упоминаемые Вами выпадения пепла... Вам посчастливилось попасть на работу в такой район, который, вне всякого сомнения, представляет настоящее “золотое дно” для натуралиста. И Ваша статья показывает, что Вы это хорошо понимаете».

Павла Николаевича приглашали к сотрудничеству. 16 марта 1965 г. он ответил: «Весьма приятно, что моя работа по фенологии вызвала интерес и что Вы собираетесь её опубликовать... Жалею только об одном, что это мой первый опыт в таком жанре, недостаточно мне знакомом, и поэтому статья получилась, может быть, слабоватой». Он поблагодарил редакцию сборника за дельные советы и рекомендации и посоветовал, что с фенологической литературой у него в Ключах «трудновато», имеются лишь две подобные небольшие работы. Воспользовавшись представившимся случаем, он

отправил сибирякам свои материалы за 1964 г. «по тем же показателям, что и ранее» [3, л. 1, 3].

2 сентября 1965 г. Дьяконов отметил: «Мои фенологические наблюдения начинают приобретать некоторый интерес и на Камчатке. Сейчас силами Камчатского отдела Географического общества думаем организовать камчатскую сеть фенокорреспондентов. Не знаю, как это нам удастся» [КОКМ ОФ 35027/10].

Постепенно он подошёл к мысли, что полноценные фенологические наблюдения могут быть осуществлены только силами большого отряда энтузиастов — любителей природы: краеведами, школьниками и их наставниками, метеорологами, работниками сельского хозяйства. Добытые же ими сведения помогут объяснить многие биогеографические особенности полуострова и способствовать его освоению и развитию, как говорили в то время, «народного хозяйства». Но для этого энтузиастов следовало вооружить единой методикой, позволявшей системно выстроить, сравнить и упорядочить сведения, полученные визуальным путём. Кроме этого фенологическая работа преследовала ещё одну важную цель — вовлечение людей, в первую очередь молодёжи, в научно-исследовательскую работу и сбережение природы, то есть имела большое воспитательное значение.

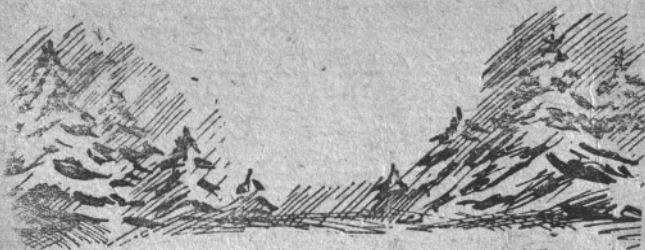
Так возник замысел написания брошюры «Наблюдения камчатской природы», целью которой было объяснить: «как, где и что наблюдать». Идея получила поддержку Камчатского отдела Всесоюзного Географического общества (ВГО) в лице заместителя председателя, известного краеведа В. П. Кускова. 5 октября 1965 г. он написал Дьяконову в Ключи о принятом решении издать эту работу. Предварительно сообщил, что редколлегия журнала «Вопросы географии Камчатки» также ждёт его статью по фенологии в готовящийся четвёртый выпуск к 30 октября, «ибо в начале декабря будет окончательно утверждаться содержание выпуска, порядок расположения статей и сообщений и т. п.» Речь здесь шла о будущих «Сезонных ритмах природы в районе посёлка Ключи».

КАМЧАТСКИЙ ОТДЕЛ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА СОЮЗА ССР
ПРИ АН СССР

П. Н. ДЬЯКОНОВ

НАБЛЮДЕНИЯ КАМЧАТСКОЙ ПРИРОДЫ

(В помощь фенологу)

Петропавловск-Камчатский
1966 г.

Обложка брошюры «Наблюдения камчатской природы»

Географическое общество Союза ССР
КАМЧАТСКИЙ ОТДЕЛ

Фено-бланк № 2 — живая природа
С 1-го июля по 1-е ноября 19 года

Место наблюдения _____

Сельсовет _____

Район _____

Фамилия, имя, отчество наблюдателя (полностью) _____

Почтовый адрес _____

(Бланк заполняется чернилами, месяц — прописью)

<i>Объект наблюдения</i>	<i>Фаза или явление</i>	<i>Число и месяц</i>	<i>Количественная оценка и приме- чания</i>
1	2	3	4
Береза каменная	Начало желтения		
	Запестрение		
	Поспевание семян		
Береза белая	Начало желтения		
	Запестрение		
	Поспевание семян		
Тополь	Начало разлета пуха		
	Запестрение		
Осина	Начало разлета пуха		
	Запестрение		

Приложение к брошюре: бланк фенологических наблюдений
 (КОКМ ОФ 35027/26)

«Перед отъездом в отпуск Виноградов (Владимир Николаевич, председатель Камчатского отдела ВГО. — *Ред.*) в общих чертах изложил сущность Ваших намерений по развертыванию фенологической работы... Относительно издания инструкции для фенологов. Такая возможность сейчас имеется, есть и бумага, и деньги. Было бы хорошо издать и разослать её до весны 1966 г. Это значит, что мы должны получить её из типографии примерно в феврале, а для этого нужно сдать её в набор не позже первой половины декабря. Сообщите, пожалуйста, какие конкретные возможности имеются для этого. Если есть ещё какие-либо предложения — пишите...» [11, л. 1].

Через месяц с небольшим, 12 ноября 1965 г., Кусков сообщил Дьяконову, что Камчатский отдел ВГО решил организовать в Ключах свою местную ячейку, а ему предстоит возглавить её в качестве председателя. В это время в Ключах насчитывалось, помимо Павла Николаевича, ещё шестеро членов ВГО: учителя Г. И. Агалакова и Р. М. Бобылкина, научные сотрудники вулканостанции В. А. Ермаков и И. С. Фельдман, начальник станции А. Е. Святловский и агроном совхоза А. А. Кустливый. Этой ячейке и предстояло налаживать фенологические наблюдения. Так на Камчатке была предпринята первая попытка комплектования на полуострове сети фенологов-корреспондентов [11, л. 2—3].

В середине декабря 1965 г. рукопись будущей брошюры была уже в Петропавловске. 21 декабря В. П. Кусков сообщил: «Ваше письмо и приложенную к нему рукопись получил. Теперь будем над ней работать. Пока прочитал её в общем. Оцениваю положительно, хотя потребуется некоторая правка литературно-стилистического характера... Предполагаю ещё на этой неделе сдать её в типографию, а там уж как получится. Думаю, что за два-три месяца сделают».

Пришла пора определиться с тиражом. Он должен был зависеть от числа возможных пунктов будущей фенологической сети. Предполагалось 200 экземпляров разослать по школам, 300 — передать в книготорговую сеть, 200 — оставить в качестве обязательных и столько же хранить в ре-

зерве. Исходя из этого, решили заказать 1 000 экземпляров. Отдельно печатались бланки наблюдений.

Попутно Кусков просил Дьяконова как отличного знатока местности выяснить, действительно ли на реке Николке имеются «объективные следы» так называемого «Федотовского зимовья»: долгое время считалось, что первым из русских на Камчатке, ещё до С. И. Дежнёва, побывал некто Федот Алексеев Попов. «Задача в том, чтобы установить время его существования и оставления. Может быть, у Вас найдутся такие любители? Помощи, кроме инструктивно-методической, мы, вероятно, оказать не сможем, но опубликовать результаты обещаю (в том случае, конечно, если они будут). Поговорите об этом у себя. А, может быть, Вы и сами будете в тех местах? Дело это кое-чего обещает: триста лет — не такой большой срок, и какие-то предметы должны сохраниться.

Если удастся обнаружить хотя бы остатки сруба, то опытный лесовод сможет сказать, в какое время года строилась землянка, сколько она могла простоять и т. п., а если паче чаяния попадётся монета, оружие и т. п., то тогда можно будет сделать и ещё более определённые выводы...» [11, л. 4—4 об.]. Выводы, причём отрицательные, были сделаны самим В. П. Кусковым в его статье «Был ли Федот Попов на реке Камчатке?», опубликованной в 1966 г. в тех же четвёртых «Вопросах географии Камчатки».

28 декабря 1965 г. Дьяконов поинтересовался у Кускова, не мало ли будет трёхсот экземпляров его брошюры для книготорга? Ведь рассчитывать на скорое повторное издание было весьма трудно, а автор еще не напечатанной работы уже только в Ключах получил более трёх десятков заявок на неё. Кроме того, какое-то количество экземпляров можно было бы направить Магаданскому, Сахалинскому, а возможно, и Хабаровскому отделам ВГО. По мнению Дьяконова, «инструкцию легко переиздать везде, только таблицы придётся переделать сообразно с местными условиями». Он же предлагал, исходя из ожидаемых условий использования брошюры, «упаковать» её не в твёрдую обложку, но

и в не совсем мягкую: «Ведь её будут носить и в кармане, и в рюкзаке, и в полевой сумке. Твёрдая поломается, а очень мягкая скоро порвётся. Видимо, хороша будет плотная бумага» [11, л. 5—6].

13 января 1966 г. В. П. Кусков известил автора о возникших сложностях с бумагой. Её имелось всего 140 килограммов, чего должно было хватить лишь на «Вопросы...», «а то ещё и не хватит». Пока же предполагалось отпечатать брошюру на «чужой» бумаге, которая, по словам Кускова, «обращается на наши нужды благодаря любезности начальника одной типографии для меня. Также нет возможности выбирать тип обложки. Приходится мириться с тем, что возможно сделать...» Поэтому всё-таки пришлось остановиться на тысячном тираже. Обложку же выполнили из «подвернувшегося» плотного желтоватого картона.

К началу февраля были готовы бланки фенонаблюдений. «Напечатали их плохо, возились долго. Вёрстка оказалась сложноватой, а увеличивать формат я (В. П. Кусков. — *Ред.*) не захотел, чтобы использовать тот же набор и для брошюры. С брошюрой дело пока движется плохо». Бумага, как мы знаем, нашлась, но зато теперь не хватало металла для литья набора... [11, л. 7—8].

16 марта 1966 г. Дьяконов ответил, что бланки ему понравились: компактные, разборчивые и на плотной бумаге. Попросил выразить искреннюю благодарность наборщикам: «Понимаю, какой нелёгкий труд они осилили». Сама брошюра «Наблюдения камчатской природы» ещё лежала на столе редактора. Её подписали в печать 19 марта 1966 г.

Попутно поделился сомнениями: ему предложили подготовить книжку о лесе и животных объёмом до двух печатных листов из серии «Хочу всё знать» для школьников среднего возраста. «Задание более чем расплывчатое, а изображение должно быть художественным. Исполнение — не позднее конца первого полугодия. Конечно, лестно общее мнение, что лучше меня никто не сделает этой работы, но, откровенно скажу, тяжеловато. Стоит ли браться? Хотя состояние здоровья сейчас неплохое, но служебной работы по-

рядочно...» [11, л. 9]. Так начали прорисовываться первые контуры будущего «Зелёного друга Камчатки».

В середине июня 1966 г. «Наблюдения камчатской природы» были, наконец, готовы. В Ключи отправились причитающиеся автору двадцать экземпляров [11, л. 10].

Обе работы П. Н. Дьяконова, опубликованные в 1966 г., вызвали большой интерес со стороны знатоков и любителей и быстро разошлись. Этот год стал началом широкой фенологической работы и был потрачен на пропаганду её важности, привитию интереса к природе и наблюдениям за ней. В апреле 1966 г. автор прочитал лекцию на курсах усовершенствования учителей-биологов в Петропавловске и четыре аналогичных в школах посёлка Ключи. В течение года областное радио подготовило пять больших художественных передач. Помимо «Камчатских туристских троп», прозвучали «Приметы весны», получившие высокие отзывы услышавших их ленинградских радиожурналистов, многие из которых загорелись желанием посетить Камчатку, «Зимний лес и его друзья», «Птицы летнего леса» и «По следам осени». За год «Камчатская правда» опубликовала двенадцать «Заметок фенолога» [6, л. 3—4].

Но главная задача — организация местной сети фенологов-корреспондентов — пока не была решена. Причин тому оказалось несколько. Во-первых, Камчатка не имела устойчивых традиций наблюдений природы, подобных давно сложившимся в западных областях страны. Для полуострова это стало новым делом. Многочисленные любители природы не имели навыков систематических наблюдений. Весьма удачно это отметил начальник Камчатской лесной опытной станции Д. Ф. Ефремов, ознакомившийся с «Сезонными ритмами...»: «Помимо ценности её содержания, она является наглядным примером для нас, молодёжи, как надо видеть лес, не хлопать глазами, извините за грубость, а именно видеть и подмечать»... Во-вторых, один из главных резервов корреспондентов — школьники и их наставники — летом, в наиболее важный период наблюдений, разъезжались на каникулы и в отпуска. В-третьих, тираж изданной брошюры

для огромных камчатских просторов с разбросанным населением оказался, безусловно, мал.

О важности же фенонаблюдений в масштабах страны говорит такой факт: по всей её территории подобные научные материалы пересылались бесплатно. Об этом ещё 10 октября 1960 г. особым приказом распорядилось Министерство связи СССР [КОКМ ОФ 35027/19]. На отправления ставился специальный штемпель: «Фенологическое, бесплатное». Напрашивается такое сравнение: бесплатно пересылалась и армейская корреспонденция, в том числе знаменитые фронтовые «треугольники».

Заслуги П. Н. Дьяконова в области развития фенологии были вполне оценены. Он регулярно получал приглашения на научные форумы. Так, 8 августа 1970 г. фенологическая комиссия Московского филиала ВГО пригласила его на запланированную на конец ноября конференцию «Фенология хвойных пород и их спутников». По результатам её работы планировалась публикация сборника докладов [КОКМ ОФ 35027/13].

Последнее предложение о сотрудничестве было получено уже вдовой лесовода [КОКМ ОФ 35027/18]. 30 марта 1973 г. фенологическая комиссия ВГО известила, что работает по общесоюзной программе «Комплексная фенологическая характеристика природных зон и районов СССР»: «Нам необходимы сведения из Петропавловска-Камчатского. Вышлите нам, пожалуйста, если это Вас не очень затруднит, сведения за 1973 г. и за прошлые годы по высылаемой форме»...

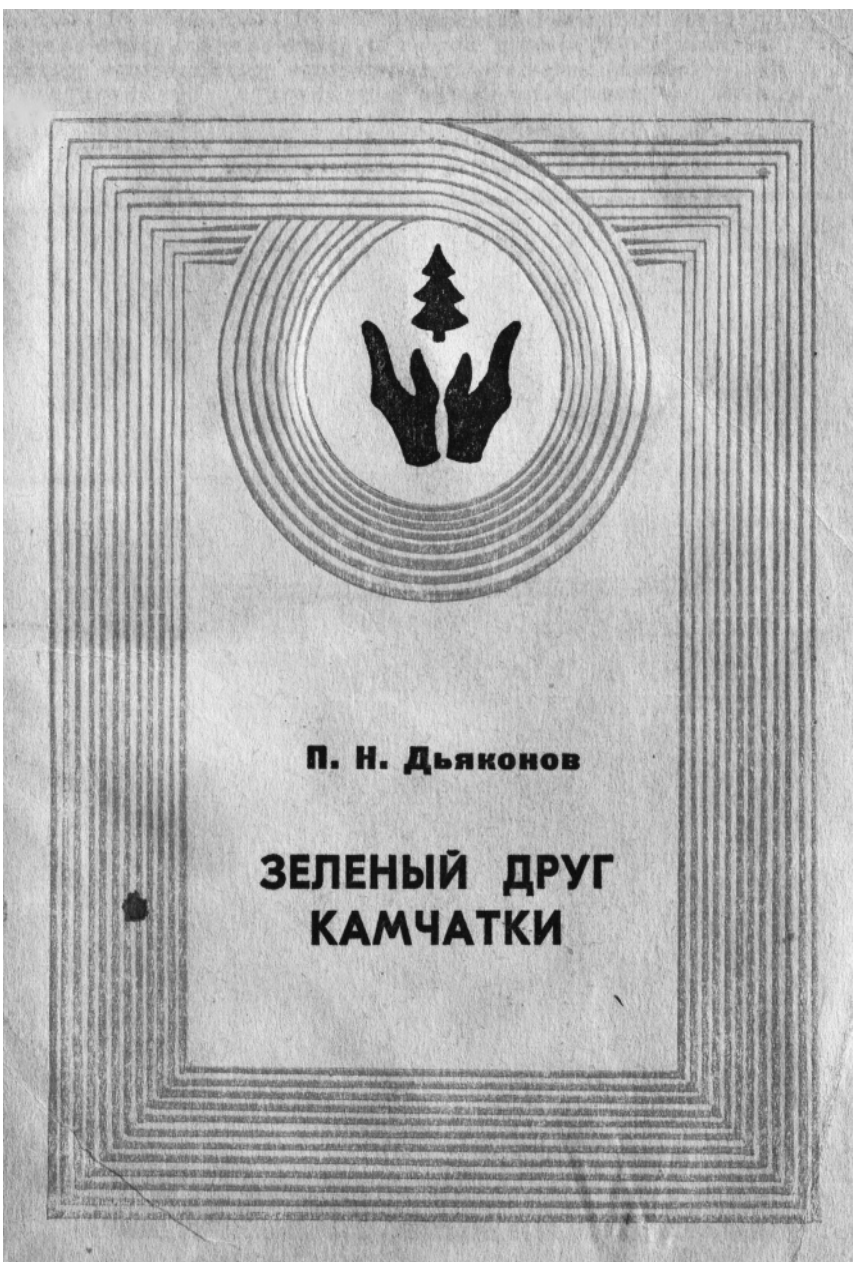
Тесное сотрудничество П. Н. Дьяконова с Камчатским отделом ВГО продолжилось и далее. 15 сентября 1966 г. совет отдела поздравил его с присвоением звания заслуженного лесовода, с «высокой наградой, которую Вы заслужили своим долголетним добросовестным трудом». Павла Николаевича известили, что 29 сентября в Иркутске открывается очередное, третье, совещание географов Сибири и Дальнего Востока. Оргбюро совещания прислало приглашение, где, в частности, говорилось о желательности его участия в совещании. Правда, от этого пришлось отказаться...

Отдел начал подготовку библиографического указателя работ своих действительных членов. Но заметки фенолога, регулярно печатавшиеся «Камчатской правдой», включить в него не удалось по формальной причине. В них не указывалось о принадлежности автора к Географическому обществу: редакция не согласилась на длинную подпись вроде «Действительный член» и прочее [11, л. 11—12].

По рекомендации профессора Н. Е. Кабанова московское издательство «Лесная промышленность» 7 января 1968 г. предложило Павлу Николаевичу подготовить популярный очерк о природе Камчатки, желательно о растительности, а ещё лучше — о животных. Его издательство намеревалось включить в 1970 г. в сборник «Природа и охота». Оно хотело посветить Камчатке отдельную популярную книгу и поэтому интересовалось, «какие у Вас в Петропавловске имеются авторские возможности» [7, л. 8].

25 июня 1969 г. П. Н. Дьяконов подготовил письмо-заявку, как он сам его обозначил, директору «Лесной промышленности» И. И. Радуку с предложением опубликовать накопившиеся у него за долгие годы рукописи с описаниями наблюдений камчатской природы. «Направляю на Ваше заключение о возможности издания: 1. Рукопись “О зелёном друге Камчатки”, или “Зелёный друг на Камчатке”. 2. Две новеллы о камчатской природе для сборника или календаря. Имею готовую рукопись “Птицы Камчатки”, очерк многолетних наблюдений. Рисунки к ней также готовы. Могу быстро подготовить книжку новелл “Ритмы камчатской природы” или под другим названием, на основе многочисленных публикаций новелл в газете “Камчатская правда”. К сему Дьяконов».

В этом письме впервые упоминается будущая книга «Зелёный друг Камчатки», вышедшая уже после кончины автора в 1973 г. в Камчатском отделении Дальневосточного книжного издательства. Её рукопись датирована 26 февраля 1969 г. Автор предложил несколько вариантов названий: «Зелёный друг Камчатки», «О зелёной “чудо-фабрике”», «Зелёное дитя Земли и Солнца» [12, л. 1—2].

Обложка книги «Зелёный друг Камчатки»

~~ОСЕНЬ~~ - 4.
~~ОСЕНЬ~~
ОСЕНЬ

Сентябрь - живописец

Блестят росинки - изморози слезы;
Рябины рдеют, огненно красны,
И золотятся старые березы,
Роняя листья, тихо, до весны ...

Камчатская осень... Продолжительная или быстротечная, ласково ясная или, наоборот, с капризами, тихая или порывистая штормовая - все равно хороша. Еще цветут астры, георгины, васильки и левкой, борцы, ^{чирок} белая ромашка и надоевший за лето желтый одуванчик; а с тополя уже нет-нет да и сорвется серо-зеленоватый листок и, шурша между ветвями, упадет на землю. За ним, поодиночке, начинают падать березовые и даже ольховые листья. Так незаметно приходит "вечер года" - пора, которую называют осенью.

Еще с конца августа на березах появляются редкие желтые пятнышки. С началом сентября они становятся гуще, и это сигнал для кукушки. Привередливая птица не любит желтого цвета и едва его завидит, как заторопится в теплые края на зимовку. А у деревьев и кустарников наступила новая, весьма ответственная пора - надо уплотнять годовое кольцо прироста, готовить к холодам свежие, молодые побеги, отдать максимум соков семенам и плодам, заложить новые почки, в том числе и плодовые, для будущего урожая. Много еще надо, и на все это требуются очень интенсивные жизненные силы. Вот и приходится сбрасывать, сокращать сыгравшую свою роль листву.

Первая страница рукописи книги «Зелёный друг Камчатки»
(ККОМ ОФ 35025/1)

9 мая 1969 г. в письме друзьям автор писал: «К сожалению, ясности в том, будет ли издана рукопись о Зелёном Друге, пока никакой нет. Думал послать её в издательство “Лесная промышленность” (они меня убедительно просили выслать что-либо готовое), но пока тоже ничего не решил... Все критические замечания только на пользу. Здесь дали очень положительные отзывы Мархинин (вулканолог), Афанасьев (Лесная опытная станция), Остроумов (ТИНРО), не говоря о своих лесниках. Но, тем не менее, денег нет, да и критика мне кажется ещё недостаточной» [КОКМ ОФ 35025/3].

Отзывы упомянутых специалистов имеются в фондах нашего музея. Вот один из них, написанный доктором геолого-минералогических наук Е. К. Мархониным: «Интересно. И очень нужно. Думаю, что о камчатском лесе и его обитателях Вы могли бы написать и побольше. А ценность рукописи как раз в этом материале и в показе жизненно важной роли леса для людей и животных» [КОКМ ОФ 35025/7].

Зелёный друг Камчатки и всех её обитателей: людей, птиц, зверей — это одно из главных природных богатств полуострова — его лес. Скромную книжицу — всего-то девяносто шесть страничек небольшого формата в мягкой обложке, давно уже ставшей библиографической редкостью, — можно смело назвать гимном камчатской природе. Лес и его обитатели показаны в разное время года, обрисованы их взаимовлияние и взаимосвязь, убедительно и доходчиво рассказано, что людям следует тщательно заботиться о них.

Не сумел подержать в руках автор и другую свою работу. Вот что сообщает нам аннотация к брошюре «Крылатые жители Камчатки»: «Много или мало птиц на Камчатке? Где и когда их можно встретить? Сколько из них певчих птиц? В каких местах скорее слышишь птичью песню? Какая из птиц встречается реже, а какая чаще?.. Данная брошюра и является попыткой помочь в разрешении вышепоставленных вопросов. Она показывает видовой состав птиц полуострова, за исключением чисто морских видов, наблюдение за которыми не всегда доступно...» [13, л. 1].

Одной из последних неосуществленных творческих задумок стала небольшая книжица, которая должна была войти в так называемую «кассету», то есть подборку брошюр «Камчатская область», которую весной 1972 г. намеревалось напечатать Камчатское отделение Дальиздата. Во всяком случае, так следует из письма, подписанного редактором-составителем Е. В. Гропяновым, датированного 1 октября 1971 г. Но и здесь возникли сложности: сначала издательство планировало к выпуску «кассету», включавшую десять брошюр, но к моменту написания письма их было уже двадцать пять. Объём «кассеты» в полтора раза превысил смету, почему издательство предлагало печатать брошюру «на общественных началах», то есть без выплаты гонорара [7, л. 13].

Насколько нам известно, этот проект также не состоялся. Первая подобная «кассета», иначе «обойма», — «Пламя снегов» — вышла на Камчатке лишь в 1981 г. и включала пять небольших стихотворных сборников...

Источники

1. Государственный архив Камчатского края (ГАКК), ф. Р-346, оп. 1, д. 1.
2. ГАКК, д. 23.
3. Там же, д. 72.
4. Там же, д. 45.
5. Там же, д. 7.
6. Там же, д. 8.
7. Там же, д. 64.
8. Там же, д. 59.
9. Там же, д. 58а.
10. Там же, д. 66.
11. Там же, д. 73.
12. Там же, д. 39.
13. Там же, д. 30.